

Полые куклы

Автор:

Марси Кейт Коннолли

Полые куклы

Марси Кейт Коннолли

Ткачиха теней #3Удивительная история Симоны #1

Симона знает многое о прошлом других людей. И ничего – о своём. Всё потому, что девочка умеет читать чужие мысли, но её собственная память давным-давно была стёрта похитителем воспоминаний. И теперь, когда Симоне наконец-то удалось освободиться из оков леди Эшлинг, она готова на многое, лишь бы всё вспомнить. Но на её пути встаёт могущественный контролёр сознания. Когда-то он был пленником леди Эшлинг и легко подчиняет себе сознание других людей. Как не попасть к нему в лапы? И снова обрести похищенное прошлое?

Захватывающая история о секретах, магии и долгой дороге домой!

Марси Кейт Коннолли

Полые куклы

MarcyKate Connolly

HOLLOW DOLLS

Copyright © 2020, 2021 by MarcyKate Connolly

© Смирнова Д. О., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Маме и папе

Пролог

Сколько я себя помню, я всегда служила леди. Она всегда была моей госпожой, а я – просто пешкой во всех её играх.

Сегодня всё закончилось.

Ткачиха теней Эммелина и её друзья схватили мою хозяйку здесь, в её Саду, полном огромных цветов. Я тоже в плену теней Эммелины, они тащат меня назад.

Я не смогла бы помочь леди, даже если бы хотела.

Я могу только смотреть, как похититель магии лишает леди Эшлинг её дара, чтобы наказать её за совершённые преступления. А затем происходит нечто невероятное.

Я свободна. Невидимые тиски, в которых хозяйка держала моё сознание, разжались, эта связь, которая заставляла моё тело подчиняться её воле, теперь разрушена. Странное светлое чувство поднимается во мне – надежда, наверное. Пришёл конец тирании злобной леди Эшлинг. Я далеко не единственная её узница, и эти восставшие одарённые дети – наши спасители.

Хотя теньевые верёвки всё ещё держат меня, мне самой кажется, будто я воспаряю. Леди больше никогда не сможет использовать меня или мою магию во вред людям.

Мой дар – чтение мыслей. Вот почему леди Эшлинг забрала меня. Я, как и многие другие, получила благословение кометы Серилии, пролетавшей над землёй в год нашего рождения, – это происходит каждые двадцать пять лет. Было время, когда благословлённых кометой почитали и любили, но это давно в прошлом. Сейчас люди настороженно относятся к тем, у кого есть дар. Многие из тех, кому посчастливилось не угодить в лапы леди Эшлинг, предпочли скрыть свои таланты.

В тот год, когда родилась леди Эшлинг, комета тоже прилетала. Леди Эшлинг – пожиратель магии (в прошлом), одна из тех, кто может украсть магию у другого человека и владеть ею самостоятельно. С помощью одного из украденных даров она превращала одарённых людей в цветы и сажала их в своём печально известном Саду Душ, а чтобы поглотить чужие силы, ей достаточно было съесть лепесток цветка. Но что-то пошло не так, когда она попыталась превратить в цветы первую партию тех, чьи дары связаны с человеческой психикой – таких как я. Тем не менее она нашла способ подчинить нас. Я никогда не забуду это чувство – когда чужое сознание проникает в моё тело. Двигает моими руками и ногами. Говорит моим голосом.

Но теперь я свободна. И не я одна.

Роскошный, прекрасный Сад леди Эшлинг, тюрьма для душ одарённых магией узников, преображается у меня на глазах. Это неестественно – и в то же время прекрасно. Воздух трещит от магии, в то время как из цветов вырастают головы, руки и ноги и к ним окончательно возвращается прежний человеческий облик. Воздух звенит от вскриков удивления, за которыми теснится целый сонм сознаний и их исступлённых мыслей. Ничего не осталось от цветов, среди которых я кружила так долго, – лишь голая земля и кое-где изгороди и островки травы. Ничего не осталось от того Сада, который помню я.

В первый раз с тех пор, как я стала свидетельницей благословенного кометой восстания против леди, страх прокрался в моё сердце. Но вместе с ним и надежда.

Как только становится ясно, что ни я, ни другие дети, которых леди Эшлинг подчинила своей воле, больше не представляем угрозы, нас отпускают. Толпа людей в Саду растёт с каждой минутой. Вокруг я вижу радостные воссоединения. Родители и дети, братья и сёстры, тёти и племянники и племянницы.

Но много среди нас и таких, за кем никто не пришёл. Мы потихоньку собираемся вместе в центре Сада, растерянные, потерянные, не понимающие, что и как только что произошло. Мой лучший друг Себастьян находит меня и сжимает мне руку. Несколько других «пустышек» леди – такие же, как я, те, чьи связанные с сознанием способности она использовала в своих целях, – присоединяются к нам. Мы потерянные души в Саду леди, которые ждут, когда прежние жизни сами отыщут их.

Но проходит день, наступает ночь, и наша надежда начинает таять.

«Где наши семьи? Как же наши родные и близкие?» – целые сутки эти мысли лениво кружатся у меня в голове.

Но я не удивлена. Мне только грустно.

Из кармана своего грязного белого платья я вытаскиваю клочок бумаги. У меня есть несколько копий этого списка, одна всегда при мне, другие спрятаны по всей маленькой камере в особняке леди Эшлинг. Я не хочу забыть этот список, если потеряю одну из бумажек. Здесь всё, что осталось от моей семьи. Четыре имени и местность: Рен. Их лица давно сгнули: об этом позаботился похититель памяти, служивший леди Эшлинг. Я сжимаю в руке бумажку, пока толпа не начинает редеть, оставляя позади только тех, за кем не пришли родные.

Я кладу бумажку обратно в карман. Да, я обрела свободу, но кроме неё – ничего.

ДВЕ НЕДЕЛИ СПУСТЯ

После того как пленников леди Эшлинг освободили, все они постепенно обрели дом. Родственники ждали их. Неделями, месяцами, годами, кого-то даже десятилетиями.

О моей семье ничего не известно, потому что деревни Рен не существует.

По крайней мере, так мне сказали.

Ветер в саду, где я сижу – этот сад совсем другой, не такой вычурный, – швыряет пряди волос мне в лицо и возвращает к реальности, в которой со мной сейчас разговаривают.

– Мне очень жаль, что Сети не удалось узнать, что случилось с твоей семьёй, Симона, – говорит Себастьян, кудрявые пряди вьются вокруг шрама на его щеке точно тёмные тени. Сеть была создана, чтобы противостоять леди Эшлинг, которая похитила столько одарённых людей. Родные и близкие тех, кто получил благословение кометы, стали вести записи и помогать друг другу ускользать от когтей леди Эшлинг. Но всё это случилось спустя много лет после того, как меня похитили. Себастьян неловко заёрзал на скамейке. – Хочешь остаться у нас?

У него дёргается глаз. Иногда с ним такое происходит. Хотя леди Эшлинг больше нас не контролирует, последствия её магии не исчезли. Людям, которые нас освободили, ещё предстоит отыскать человека с даром, который мог бы нам помочь. Без леди Эшлинг, которая не диктует нам пусть ненавистную, но цель, мы чуть лучше пустых сломанных кукол.

Я поднимаю голову, чтобы взглянуть на белые хлопья облаков, дожидаясь, пока слова Себастьяна осядут в голове. Я вслушиваюсь в тишину, чтобы понять, что на самом деле скрывается за ними.

«Я знаю, ты слышишь меня: пожалуйста, скажи «да». Пожалуйста, скажи «да».

Я смеюсь и вскакиваю на ноги, я просто не могу усидеть. Мне не по нутру подолгу оставаться на одном месте. До тех пор, пока я не выясню, где действительно мне место.

– Спасибо. Да. – Мне нравится семья Себастьяна. Они пытались помочь мне найти моих родных. Его старшая сестра Джемма очень добрая, и мне разрешают гулять в лесу за деревней, когда только пожелаю. Когда-то Джемма была всего на пару лет старше Себастьяна. Но леди Эшлинг держала его в плену более десяти лет, и теперь Джемма уже выросла и может взять нас под опеку. Но вот кое о чём я не могу умолчать.

– Твоя деревня недалеко от тюрьмы леди Эшлинг. Мне это не очень нравится.

Деревня находится на территории Париллы, практически на границе с Аббачо. На какое-то время я останусь с Себастьяном, но когда-нибудь я должна буду снова отправиться на поиски деревни Рен. Просто сейчас я не представляю, откуда начать.

Руки Себастьяна дрожат на садовой скамейке. «Мне это тоже не нравится», – думает он.

– Она больше не может навредить нам. И мы можем сделать вид, что её вообще не существует.

Я знаю, почему на самом деле Себастьян хочет, чтобы я осталась здесь. Он наблюдал за мной, пока я была во власти леди Эшлинг на территории Циннии. Он даже забрал воспоминания о тех ужасных вещах, которые леди заставляла меня делать. Но он поступает так из-за чувства вины. Он похититель памяти – именно он когда-то забрал мои воспоминания о счастливых временах.

Я дрожу, Себастьян мрачнеет:

– Мы будем искать дальше, Симона. Я обещаю.

Я улыбаюсь ему, но не думаю, что улыбка вышла естественной, потому что на его лице по-прежнему написана тревога.

– Я знаю, – говорю я. – Но я не уверена, что нам есть что искать.

Глава первая

Беспокойство. Вот что я чувствую каждый день. Жажда бродить и исследовать течёт в моих венах вместе с кровью.

Этим утром, когда я выглядываю из окна своей маленькой комнаты, солнце озаряет лес за деревней Себастьяна. Мне никогда не удаётся надолго запомнить её название. Себастьян постоянно напоминает мне, но оно каждый раз улетучивается, как парашютик одуванчика на ветру. Но я обожаю этот лес. Между деревьями струится множество маленьких пересекающихся ручейков, и я твёрдо намерена до конца лета пройти вдоль каждого из них до самого конца.

Во время таких скитаний легче думается о том, куда могла исчезнуть моя семья. К тому же лес находится дальше всего от тюрьмы леди Эшлинг.

– Симона? – Себастьян стоит в дверях моей комнаты – и снова у него на лице это выражение. Оно всегда появляется, когда ему приходится слишком долго окликать меня. Я смущённо слезаю со скамеечки, которая стоит рядом с подоконником, и чувствую тяжесть его мыслей.

Себастьян беспокоится обо мне.

Теперь, когда чары леди Эшлинг рассеялись, многие из её прежних слуг вновь стали почти самими собой. Мы получили весточки от старых друзей: от Кальи, пожирательницы снов, и от иллюзионистки Наташи. Покинув особняк леди Эшлинг, они, можно сказать, вернулись к прежней жизни. Но всё это не про меня – я даже не знаю, какой была прежде.

Себастьян боится, что меня сломали. Меня это тоже беспокоит.

– Симона.

Я быстро перевожу взгляд на него, вновь подхватив нить беседы:

– Доброе утро, Себастьян. – Я иду к нему и неосознанно начинаю пританцовывать.

Он кладёт руки мне на плечи, чтобы остановить меня. Я улыбаюсь.

– Моя сестра только что узнала хорошие новости. Сегодня вечером сюда придут люди, которые, возможно, смогут тебе помочь.

Я не могу не заглянуть в его мысли. Слова сливаются во что-то непонятное – что-то про библиотеки, – но я чувствую, что все они пронизаны радостным волнением.

– Кто?

– Они работают в Архивах Париллы. Там хранятся исторические записи с упоминаниями о самых давних событиях, какие только сохранились в памяти людей. Если где-то и можно отыскать сведения о твоей деревне, то только в Архивах.

– Библиотекари едут сюда? – Мои руки размахивают подолом юбки, хотя я пытаюсь остановить это.

Себастьян кивает, его мысли проясняются: «Они слышали о Саде леди Эшлинг и о том, что произошло с нами».

– Они хотят поговорить с нами обоими, чтобы всё задокументировать. Так библиотекари пишут в своём письме.

Надежда начинает затухать.

– Значит, они приезжают не для того, чтобы помочь мне.

– Но они всё равно могут это сделать. Мы можем спросить у них.

Я пожимаю плечами, стараясь не выказывать разочарование слишком явно.

– Вечером они будут здесь. Джемма хотела, чтобы я сказал тебе, и ты точно была дома к ужину. «И не в грязи», – не удержался от мысли Себастьян.

«Я постараюсь», – отправляю я мысль ему в сознание, и он улыбается.

Джемма уже давно отказалась от идеи, чтобы я помогала ей по хозяйству. Я пыталась, но просто не могла удержать в голове те задания, которые она мне поручала. Слишком много мыслей, слишком много диалогов, слишком много голосов. Они очень громкие и отвлекают, и я порой забываю, что делаю. Сейчас

её надежды не простираются дальше того, чтобы я пришла домой после блужданий по лесу или деревне. По крайней мере, об этом я ещё не забывала.

– Буду, обещаю.

– Ты пойдёшь в лес? – спросил Себастьян – он каждый день спрашивает.

Я даю ему всё тот же ответ:

– Да. – Я умолкаю, уже зная, что он скажет теперь. – И думаю, сегодня мне лучше пойти одной.

Себастьян хороший, но я иду туда, чтобы услышать тишину. Если я возьму его с собой, то ничего не получится.

Себастьян и Джемма были очень добры, когда разрешили пожить у них, но это не совсем мои люди. Оттого, что я слышу их мысли, мне не легче. Может, кому-то кажется, что чтение мыслей – прекрасный дар (леди Эшлинг уж точно так считала), но в реальности всё не так здорово. В такой деревне, как эта, где полным-полно людей, жизнью и маленьких домиков с красной крышей, все мысли превращаются в непрерывный унылый рёв. Иногда, когда Себастьян заговаривает со мной, я не сразу его слышу. Сначала мне приходится вычленять его голос среди других. Настоящая тишина – редкость.

Я пробегаю мимо друга и выскользываю из дома, в моей голове уже теснятся молчаливые листья и говорливые ручьи.

Я следую за лентами ручьёв, часами брожу по лесу, пока в итоге не сажусь отдохнуть на краю берега. Вода не думает, она только журчит и весело течёт дальше. Каждый день одно и то же. Никто не готовит ей никаких сюрпризов, а даже если и так, то вода просто с лёгкостью огибает их.

Я не вода, хотя порой мне хочется быть ею.

Я подтягиваю колени к груди и, закрыв глаза, отпускаю магию вовне. Чтение мыслей позволяет мне видеть мир в ином свете – это всё равно что шестой орган

восприятия. Я могу почувствовать любой разум, находящийся поблизости. Я никогда не измеряла расстояние, но чем ближе я к ним физически, тем громче мысли. Рядом в зарослях прячется кроличья нора, внутри мама и три малыша. Мыши и белки шныряют по земле в кустах, и то и дело мимо скользят мысли серебристых рыбок.

Мимо меня никто не может прокрасться незамеченным, даже любопытная крольчиха, высунувшая голову из норы. Она молодая, и я знаю, что если буду сидеть неподвижно, она подойдёт ближе.

«Всё хорошо, маленькая», – мысленно говорю я ей. Сначала она пятится назад, но потом потихоньку топает вперёд, и в итоге её длинные усы упираются мне в ногу.

«Можно я тебя поглажу?» У кроликов нет слов. Они думают скорее ощущениями и инстинктами, и чувства крольчихи сейчас тёплые и доброжелательные. Я осторожно протягиваю руку, всё время посылая ей добрые мысли. У неё мягкий мех, и она тычется мордочкой мне в бок.

Пока я глажу крольчиху, мои мысли уплывают дальше. С тех пор как Себастьян забрал мои воспоминания, у меня их осталось немного. На задворках сознания, там, где должны быть воспоминания, сейчас клубится густой непроницаемый туман. Но хотя я помню не все подробности моей службы у леди, я точно знаю, что благодаря мне в Саду прибавилось новых растений: я выслеживала тех, кто пытался спрятаться, в то время как она незримо присутствовала там, скрываясь под моей кожей. И даже когда я была ей не нужна, я всё равно оставалась только наполовину собой, во власти чар, благодаря которым жертвы всегда были покорны леди. От этих мыслей мне хочется свернуться калачиком в каком-нибудь дупле в одном из этих исполинских деревьев и никогда не вылезать оттуда.

Возможно, моя семья и мой дом просто не хотят, чтобы их нашли.

Но есть шанс, что у библиотекарей, которые приедут сегодня вечером, будут ответы на мои вопросы. Но что я дам им взамен? Мне неприятно вновь проживать то время, которое я провела у леди. К тому же с моими провалами в памяти всё неоднозначно.

Только когда солнце начинает удаляться с небосклона, я поворачиваю к дому Себастьяна. День, проведённый среди примитивных мыслей белок, червей, изредка пробегающих мимо любопытных лисиц и кроликов, унял мои тревоги. Я прощаюсь с моими новыми лесными друзьями, встаю на ноги и потягиваюсь.

Я медленно возвращаюсь той же дорогой, позволяя рукам скользить по коре деревьев, растущих вдоль тропы, и шуршать бархатистыми папоротниками. Всегда непросто сохранять обрётённое в лесу умиротворение, но сегодня это особенно трудно. Дорога от деревенских ворот до дома Себастьяна проходит через рыночную площадь. Обычно здесь так много людей, что я глохну, но при этом ни один разум не затмевает остальных, и те несколько минут, за которые я успеваю пройти площадь, проходят относительно спокойно.

Сегодня всё иначе.

Стоит мне только ступить на площадь, как меня с головой накрывает противное ощущение – настолько сильное, что мне приходится сесть на землю прямо посередине дороги, чем привлекаю к себе далеко не один взгляд.

«Что с ней такое?»

«Может, узнать, нужна ли ей помощь?»

«Пфф. Ленивый ребёнок».

Я окидываю взглядом толпу, и мне кажется, будто ледяные руки схватили меня за горло. Я не вижу никого подозрительного. Но отвратительное чувство остаётся, а в воздухе витает чья-то магия.

Ничего подобного я не чувствовала с тех пор, как была марионеткой леди Эшлинг. Ощущение, будто чужой разум вторгается мне под кожу. Я содрогаюсь. Идти ему навстречу я хочу в последнюю очередь. Но я должна знать, откуда исходит эта магия, и знать наверняка.

Я кое-как поднимаюсь на ноги и заставляю себя идти вперёд, следуя за этим странным разумом в толпу. Шум усиливается, когда я подхожу ближе. Мои руки дрожат и мнут юбки, но ноги продолжают двигаться в своём ритме. Когда я

углубляюсь в толчею людей, чьи-то мысли вопят громче остальных. Я изо всех сил стараюсь от них отмахнуться, но многие всё равно проникают мне в голову.

«Что он делает?»

«Бедная женщина. Джо, должно быть, упал и ударился головой».

Я почти ничего не вижу, пока не пробиваюсь сквозь толпу. У одного из прилавков спорят мужчина и женщина. С виду кажется, будто ничего необычного не происходит. Но женщина вцепилась мужчине в руку, а он пытается вырваться. Я видела их прежде – милая пара. Женщина продаёт цветы, а мужчина зарабатывает тем, что чинит всякую всячину. Иногда ближе к вечеру женщина отдаёт мне какой-нибудь цветок из тех, что уже начали вянуть.

Я замираю и, присматриваясь к ним, выпускаю свою магию. Разум женщины в исступлении, но мысли мужчины всё равно что раскалённые угли.

«Помогите! Кто-нибудь, помогите!»

Тихо всхлипнув, я отзываю свою магию. В этом мужчине два разума: один – того человека, которому принадлежит тело, и он молит о помощи, а второй, доминирующий, сейчас притесняет хозяина.

У меня дрожат колени, я падаю на землю и ловлю ещё больше настороженных взглядов, чем в первый раз. Джемма сказала, будет лучше, если местные жители ничего не узнают о моём даре. Но они всё равно понимают, что со мной что-то не так.

Мужчина по-прежнему ведёт себя странно, а разум, запертый в теле, кричит так громко, что я не могу это вынести. Я поднимаюсь на ноги и бросаюсь бежать. Я не останавливаюсь, не внимаю ни единому воплю, который несётся мне вслед, пока толпа и рынок не остаются позади.

Этот дар мне очень хорошо знаком. Контроль над телом. Способность управлять телом другого человека и подавлять его разум. Достаточно одного прикосновения, чтобы контролёр подчинил себе человека и мог управлять им в любой момент, когда захочет, с любого расстояния. Со временем связь тоже не

ослабевают. Жертва в любую секунду может вернуться во власть контролёра. Ни один другой дар не пугает меня больше, чем этот. Леди Эшлинг хранила его в своём Саду. С его помощью она контролировала меня, Себастьяна и других своих слуг.

Но настоящий обладатель дара больше не во власти леди Эшлинг. Теперь контролёр на свободе.

Глава вторая

На пути к дому Себастьяна я резко останавливаюсь. Леди Эшлинг поместили в тюрьму недалеко отсюда. А вдруг то, что я видела, было делом её рук, а не контролёра? Что, если она ухитрилась сбежать и вернулась к прежним фокусам? У меня перехватывает дыхание, и я опираюсь на растущее рядом дерево.

Я должна предупредить Себастьяна. Леди использовала и его тоже. Я не в состоянии смириться с мыслью, что разумом кого-то из нас овладеют вновь. Я бросаюсь бежать, чтобы не поддаться истерике.

Себастьян встречает меня у входа, как только я захожу в маленький домик.

– Они здесь, – говорит он, в его глазах сияет надежда.

Страх завязывается узлом у меня в груди, и я хватаю его за руку:

– Себастьян, мне нужно тебе кое-что сказать...

В прихожую выглядывает Джемма:

– Симона, мы уже начали беспокоиться. – Она хмурится и откидывает с лица каштановые вьющиеся волосы. Тревога, терзавшая её, начинает таять, и я чувствую, как раздражение окутывает её колючим плащом.

– Я отвлеклась, – говорю я и закрываю за собой дверь.

«Опять?» – думает Джемма. И смущённо отворачивается. Она ещё не привыкла общаться с чтецом мыслей. Многие могут прожить целую жизнь, так и не встретив ни одного человека с магическими способностями. А если это всё-таки происходит, нам приходится ждать, когда к нам привыкнут.

– Что ты хочешь мне рассказать? – спрашивает Себастьян, но Джемма одёргивает его:

– С этим придётся подождать до конца ужина. У нас гости, и невежливо заставлять их ждать.

Я с трудом сглатываю, надеясь успокоить своё лихорадочно колотящееся сердце. Джемма ведёт меня и Себастьяна к столу, за которым сидят двое библиотекарей. Одна из них – молодая женщина с любопытным сознанием, Джемма представляет её как Рэйчел, а вторая – женщина в годах по имени Ида: она пристально смотрит на меня, будто я какое-то блюдо, которое она собирается съесть.

«Что же творилось на глазах у этих детей... На что они способны...»

Я покорно занимаю своё место за столом, пока Джемма раскладывает еду по тарелкам, но носки моих ботинок постукивают по деревянному полу. Если в ближайшее время мне не удастся предупредить их о контролёре, я просто взорвусь.

Сильный рывок за волосы выдёргивает меня из этих мыслей. Мои пальцы запутались у меня в прядях. Видимо, я сама себя дёрнула.

Оба библиотекаря смотрят на меня с немым удивлением. Я сдерживаю свою магию. Мне не нужно слышать их мысли, чтобы знать, что они обо мне думают. У них всё написано на лицах.

Вместо этого я засовываю руки под ляжки и теперь сижу на них. Обычно мне нравится то, что готовит Джемма, но сегодня, кажется, не смогу проглотить ни кусочка.

– Благодарю за гостеприимство, – говорит Ида, обращаясь к Джемме. – Нам поручили записать всё, что имеет отношение к Саду леди Эшлинг, и до нас дошло много любопытных подробностей. Мы очень хотели бы услышать истории этих детей. – Она показывает рукой на меня и Себастьяна.

У Рэйчел блестят глаза:

– По пути сюда с нами тоже приключилась история. В соседней деревне случилась какая-то неприятность: кто-то, по их мнению, оказался оборотнем. Мы просто разминулись с ним.

– Неужели? – Джемма подкладывает всем на тарелки овощей. – А какого рода неприятность? – В её голосе слышится тревожная нотка, которая ускользает от внимания наших гостей, но не от моего. От меня такое не ускользнёт.

Ида небрежно взмахивает рукой:

– Ничего примечательного. Просто мать не узнала собственного ребёнка. Типичные шалости оборотней. Самозванец сбежал, а когда они нашли настоящую мать, оказалось, что она не помнит, что с ней случилось за последние несколько часов.

От её слов на меня веет холодом. Всё это звучит слишком знакомо, слишком похоже на то, что я видела сегодня днём. Готова поспорить на что угодно – это был контролёр, а вовсе не оборотень. Оборотни меняют свои тела, превращаются в разные предметы или животных и других людей. Если они скопируют чей-то облик, тот человек никогда об этом не узнает – если только не увидит своими глазами. Контролёры намного опаснее. Они забирают контроль над телом, оставляют хозяина беспомощным и запертым внутри до тех пор, пока контролёр не вернёт им тело. Этот контролёр, наверное, потом пришёл в нашу деревню.

Я хватаю ртом воздух, Джемма бросает на меня удивлённый взгляд.

– Итак, Себастьян, Симона, мы знаем, что вы оба служили у леди Эшлинг вплоть до её... заточения, – говорит Ида.

Я не поднимаю на них глаз, а Себастьян отвечает.

- Да, - говорит он. - Но не по своей воле.

- Разумеется, - кивает Ида. - Пожалуйста, расскажите нам, что вы помните о том времени.

Рэйчел достаёт листок бумаги, но почему-то без пера.

- Насколько мы поняли, многие из тех, кто раньше служил ей, плохо помнят, как жили у неё.

Себастьян густо краснеет. Грусть щемит мне сердце. Оба наших дара неоднозначны. Хотя Себастьян может забрать чужие воспоминания, на нём лежит проклятие не забывать ни одного из своих.

Джемма откладывает вилку:

- Себастьян, ты не обязан.

Но он выпрямляет спину.

- Это я виноват, - говорит он. - Мой дар - похищение памяти. Они не помнят, потому что время от времени леди заставляла меня забирать их воспоминания. А иногда они молили меня помочь им забыть то, что они сделали.

Библиотекари обмениваются удивлёнными взглядами.

- Ну, это и правда многое объясняет, - Рэйчел касается бумаги, которая лежит у неё на коленях, и строчки сами появляются на ней.

Я с удивлением понимаю, что она книжница. Люди с таким даром умеют переносить слова на бумагу с помощью магии. Насколько мне известно, многие древние книги были написаны подобным способом.

- А ты, Симона? - спрашивает младшая библиотекарь. - Какой у тебя дар?

Я смотрю на еду в тарелке с таким видом, будто хочу сквозь землю провалиться; мне нужна хоть какая-то зацепка, чтобы не потерять нить беседы. Я должна оставаться сосредоточенной и попросить их о помощи. Я не могу допустить, чтобы мои мысли, как обычно, куда-то уплыли.

– Чтение мыслей.

Они вдруг очень сильно мной заинтересовались.

«А вот это уже полезный дар», – думает Рэйчел.

Голос хриплым комом застревает у меня в горле. Мне не нравится, с какой интонацией эти люди мыслят. Но достаточно одного взгляда на Себастьяна, чтобы я осталась на своём месте. Он думает только о многообещающих надеждах и возможностях.

– Я мало что помню о том времени, когда леди держала меня у себя. Только обрывки. Я знаю, что по-прежнему была где-то в теле, когда она контролировала меня. Она просто подавляла меня и управляла мной. – Меня пробирает дрожь. – Это было ужасно.

В комнате растекается разочарование.

– Ты не помнишь ничего интересного? – спрашивает Ида. «Зачем леди Эшлинг понадобились эти дети?»

Я пожимаю плечами, позволяя пальцам рисовать странные фигуры на своих коленях. У меня в горле бурлит неуместный приступ смеха, но я усмиряю его.

– Она часто отправляла меня вместе со своими охотниками на поиски других одарённых детей. Я чувствую чужой разум. Это была моя задача: находить тех, кто прячется. – Слова трудно произносить, а глотать ещё труднее. – Её главным сообщником был лорд Тейт, пока с ним не случилось несчастье. Тогда его место занял его племянник Алден.

Приспешники леди Эшлинг были не намного лучше её самой. К счастью, магии у них не было – только жажда власти. И им нравилось с помощью нас, вернее,

нашей магии подчинять себе мир.

– А как насчёт вашей обычной жизни? Как она обращалась с вами в Циннии?

Себастьян под столом берёт меня за руку:

– Когда мы были ей не нужны, мы жили в маленьких комнатах на нижнем уровне особняка, – Себастьян часто моргает. – Это была практически тюрьма.

Только не для меня. Я была её любимицей. Мне позволялось бродить по дому, в то время как остальным это было запрещено. Я в любое время могла ходить по саду или исследовать особняк. Я не знаю, почему я была особенной, но глубоко в той части сознания, куда я предпочитаю не заглядывать, хранятся воспоминания о крупницах доброты, которые я видела от леди.

– Ужасно, хотя, возможно, другим пришлось ещё хуже. Вы когда-нибудь пытались сбежать? – Глаза Иды вспыхивают пронзительным светом, и я не уверена, что он мне нравится. «Интересно: а вдруг они могут...»

Я встряхиваю головой, с каждой секундой мне становится всё тревожнее.

– Нет, на нас были чары. То же самое заклятие леди Эшлинг накладывала на родителей похищенных детей, чтобы они не бросились их спасать.

Библиотекари всё сильнее недоумевают. Их тарелки уже почти пусты. Времени у меня всё меньше.

– Вы можете мне помочь? – вырывается у меня, отчего они вздрагивают.

– О чём ты? – спрашивает Рэйчел.

– Сеть пыталась найти мою семью, но они не смогли их обнаружить. – Я сжимаю руку Себастьяна, чтобы чувствовать себя увереннее. – Мы подумали, что в ваших Архивах могут быть записи о деревне, где они жили.

– Что тебе известно об этой деревне? – спрашивает Ида.

– Только название – Рен. Она должна быть где-то в Парилле. Но никто ничего о ней не слышал.

– Название мне ни о чём не говорит, – качает головой Ида. – Нужно будет попросить кого-нибудь из наших библиотекарей проштудировать архивные записи, а прямо сейчас нам некому это поручить. Все наши библиотекари на данный момент решают другие, более неотложные задачи. – Она садится прямее и складывает руки на коленях. – Разве что мы придём к выводу, что нужные вам изыскания являются приоритетными.

Я готова закричать, что для меня эти изыскания приоритетнее всего на свете, но Джемма вмешивается раньше. Её лицо приобретает суровое выражение.

– Вы имеете в виду – если мы вам заплатим?

Ида склоняет голову набок:

– Видите ли, без соответствующей мотивации мы не можем приостановить другие наши проекты.

Рэйчел сидит не поднимая глаз, и я заглядываю к ней в голову прежде, чем успеваю себя одёрнуть. «Бедная девочка. Мы должны помочь ей». У Рэйчел глаза лезут на лоб, когда она замечает, что я смотрю на неё в упор.

– Вы не поможете девочке, которую лишили всего что только можно?! – Джемма поднимается на ноги, разгневанные мысли вылетают у неё изо рта раньше слов. – Неужели в вас нет ни капли сочувствия?!

Ида вскидывает брови:

– Разумеется, есть. Но ещё у нас есть нужды, которые необходимо удовлетворять. Наши услуги должны быть оплачены.

Джемма вздыхает:

– И кто-то финансирует это ваше исследование, чтобы узнать больше о Саде леди Эшлинг, как я понимаю.

– Естественно.

– Но это нечестно! – возмущается Себастьян.

Джемма шикает на него. Разочарование разливается по моим венам и тянет вниз.

– Думаю, вам пора, – говорит Джемма.

– Понимаю, – говорит Ида и встаёт из-за стола. – Спасибо за ужин и за ваши рассказы. Премного благодарны. – Сказав это, она стремительно выходит из комнаты.

Рэйчел уходит вслед за ней, но перед этим успевает метнуть на меня извиняющийся взгляд.

– Мне жаль, Симона, – говорит Джемма, тяжело опустившись на стул. – Я полагала, они будут рады помочь. Мне стоило подумать, прежде чем обнадёживать тебя.

– Что теперь? – спрашивает Себастьян.

Мне на ум вновь приходит причина, по которой я опоздала к ужину. Я хватаю его за руку.

– Я должна сказать тебе кое-что важное. – Мой голос звучит хрипло и пискляво. – Помнишь, как леди контролировала нас? Как она пользовалась даром контролёра?

Себастьян замирает на месте, а Джемма выпрямляется, прислушиваясь к моим словам.

– Теперь, когда Сада больше нет, владелец этого дара свободен. И... – Я с трудом сглатываю, накручивая волосы на палец другой руки, – он был здесь. Сегодня на рынке я почуяла его. Я слышала, как разум того, чьё тело захватили, молил о помощи. – Я изучаю свои грязные ботинки. – Я убежала. Я не могла там

находиться ни секунды дольше. Я не хочу переживать это снова.

Себастьяна начинает трясти, Джемма притягивает его к себе и обнимает. Выражение её лица смягчается, как и её мысли.

– Теперь вы оба в безопасности. Вы под защитой. И мы найдём какой-нибудь другой способ отыскать твою семью, Симона. «Но кто защитит меня, если кто-нибудь придёт за ними?» – думает она.

Если за этим стоит леди Эшлинг, то мы все в страшной опасности – и те, кто владеет магией, и те, у кого её нет.

Я качаю головой, пряди моих белых волос мотаются по лицу.

– Контролёр использовал людей. А оборотень, о котором упомянули библиотекари? Наверняка это тоже был контролёр. Либо леди Эшлинг не так беспомощна, как нам рассказывали. Мы не в безопасности. – Я начинаю нервно ходить взад-вперёд. – Мне лучше уйти отсюда.

Себастьян грустнеет.

– Но почему? Куда ты пойдёшь?

– Я должна увидеть леди Эшлинг, – говорю я. Себастьян отшатывается, и энергия его протеста чуть не сбивает меня с ног. Я опираюсь рукой о стену. – Это единственный способ убедиться, что она действительно не может никому навредить.

– Симона, пожалуйста, останься.

«Пожалуйста, не бросай меня. Ты единственная, кто понимает».

Джемма выпрямляет спину:

– Симона, ты знаешь, что это не обязательно. Тот похититель магии, Ной, навсегда лишил её дара. К тому же она в тюрьме, её сторожат день и ночь. Если бы силы вернулись к ней, кто-то обязательно бы узнал.

Себастьян молчит, но его мысли – просто бурлящий вихрь страха.

– Стражники не могут заглянуть к ней в мозг. Если магия к ней вернулась, если в ней остались хоть крупички даров, которые она украдала, я должна знать. – Дрожь пробирает меня до костей. – Я не смогу заснуть, пока не узнаю.

На этот раз Джемма обнимает и меня, и я погружаюсь в её тёплые добрые мысли.

– Хорошо. Но тебе не придётся идти одной. Мы пойдём все вместе.

Глава третья

Я почти совсем не сплю. Тревожные мысли Себастьяна, который сейчас в соседней комнате, не дают мне уснуть. Хотя его сестра уверена, что наша бывшая хозяйка больше не представляет угрозы, никто из нас её уверенности не разделяет.

Но когда солнце медленно выползает из-за горизонта, я на несколько секунд отпускаю свой дар как можно дальше – просто чтобы услышать гул мыслей в деревне. Слабые отголоски снов проносятся у меня в голове, рисуя странные картины. Иногда, когда я была не нужна леди, я ускользала из особняка и какое-то время бродила по окрестностям. На вид Сад был красивым, но при этом слишком громким. Из-за всех тех созданий, запертых и потерянных, многие из которых утратили всякую надежду. Под очаровательной оболочкой скрывался кошмар.

Я зажмуриваюсь, стараясь прогнать эти мысли, и сажусь прямо. Сбивчивые сны, которые снились мне ночью, только укрепили меня в желании самой увидеть леди Эшлинг. Нетерпение скребётся у меня под кожей. Оно не исчезнет, пока я не смогу убедиться, что она больше никогда не сможет причинить нам вред.

И ещё кое-что: я хочу задать ей один вопрос. Она единственная, кто ещё может сказать мне, откуда я родом.

Я отбрасываю одеяло и выскальзываю из комнаты, чтобы разбудить Себастьяна. Чем раньше мы выйдем, тем лучше.

Спустя час мы загружаем нашу семейную карету. Эта резная конструкция из дерева и металла похожа на ту, которая была у леди Эшлинг, только не такая вычурная. Она проще смотрится, и за это я люблю её намного больше.

Красная – лошадь, запряжённая в карету, – фыркает, когда мы подходим. «Привет, – я кладу руку на её мягкую гриву. – Спасибо, что везёшь нас».

Красная снова фыркает и нюхает мою руку. Я вытаскиваю из сумки яблоко и даю его ей. Её довольное настроение укрывает меня тёплым одеялом.

– Симона, идём, – говорит Джемма.

Она и Себастьян уже сели в карету, Себастьян – в задней части, Джемма – на козлах. Семья у Себастьяна небогатая: они могут позволить себе отдельные предметы роскоши вроде этой кареты, но кучеру им платить нечем. К счастью, Джемма прекрасно ладит с лошадьми. По утрам я часто вижу, как она выводит Красную в поле за деревней.

Я сажусь рядом с Себастьяном, и вскоре деревня остаётся позади. Встав коленями на сиденье, я смотрю, как она постепенно удаляется. С каждым ударом копыт тугий узел в моей груди становится слабее.

Дорога занимает всего несколько миль, но кажется, будто целую вечность. Чем ближе мы к леди, тем сильнее я чувствую беспокойство Себастьяна, которое постепенно охватывает его. Яжимаю ему руку, чтобы подбодрить. Это помогает слабо. Но лучше слабо, чем вообще никак.

Я задрёмываю ненадолго, а когда открываю глаза – мы уже стоим перед массивным каменным зданием. Сплошные острые углы и ломаные линии, ни одного плавного перехода.

Мне это очень нравится. Если её силы не вернуться, леди Эшлинг будет надёжно заточена в этом здании.

Но как только я выхожу из кареты, я чувствую, как у меня дрожат и трясутся ноги, и я неосознанно оттягиваю назад свою магию. Что-то во мне боится случайно коснуться разума леди – несмотря на то, что она за решёткой.

Джемма, уверенно взяв нас за руки, поговорила со стражником у входа, и мы идём в тюрьму. Тот, вскинув брови, провожает нас взглядом. Другой стражник ведёт нас по каменному коридору, в котором холодно как в могиле. Мало-помалу я отпускаю свою магию, касаюсь мыслей тех, кто скрывается за дверьми и стенами. В этом здании скопилось столько гнева и отчаяния, сколько я не встречала за всю свою жизнь. А ещё здесь много зла. Оно таится за каждым углом. Я дрожу и кутаюсь в плащ. Себастьян сжимает мне руку, и я отвечаю ему.

Стражник останавливается перед дверью с тремя замками; ключи громко бренчат, пока он отпирает их. Дверь широко распахивается, но когда стражник жестом приглашает нас войти, Себастьян пятится. Джемма переводит взгляд с него на меня и обратно, не зная, что делать.

– Ты не обязан туда идти, Себастьян, – говорю я – и кожей чувствую, насколько ему легче после этих слов.

«Спасибо», – думает он.

Я иду вперёд. За дверью находится узкий проход между стеной и решёткой, за которой узник надёжно заточён в тесной камере. В центре комнаты на стуле сидит древняя старуха, её плечи укрыты ветхим покрывалом. Она совсем не похожа на прекрасную молодую женщину, которая держала нас в плену, но её ум по-прежнему острый и жестокий. Когда я смотрю в её мутные глаза, она выпрямляется на краю стула.

– Моя любимица? – спрашивает она. Прежний певучий голос исчез. Был он волшебный или её родной – наверное, я никогда не узнаю. Теперь он звучит хрипло, но с прежними повелительными интонациями. Я невольно вся сжимаюсь, хотя стараюсь вести себя уверенно, и сцепляю дрожащие руки за спиной:

– Я не ваша.

Она насмешливо фыркает, при этом морщины на её лице становятся ещё глубже.

– Ты всегда будешь моей, Симона.

– Это правда? – говорю я. Я едва нахожу нужные слова и боюсь, что если буду слишком пристально вглядываться в неё, то больше никогда не вырвусь.

Она наклоняет голову набок:

– Что? Я действительно лишилась своего дара? Думаешь, я бы сама решила остаться здесь? – леди хмыкает и, шаркая, подходит к решётке. Я отступаю назад, мои пальцы касаются каменной стены. – Ну, посмотри. Сама всё увидишь.

Что-то изменилось в ней помимо внешности. Магия, бурлящая внутри, исчезла.

– Откуда вы меня украли? Я должна знать.

Леди смеётся:

– А ты осмелела, дорогая. Приходишь сюда и начинаешь требовать.

– Пожалуйста. – Я делаю шаг вперёд, мои волосы колышутся вокруг лица точно живые.

– Бедное дитя. Себастьян забрал слишком много твоих воспоминаний, верно? – Она качает головой. – Он не забыл об этом? Он сожалеет? – Её глаза светятся злым блеском, и что-то неприятное зреет у меня внутри.

– Вы о чём? Конечно он сожалеет.

Она смеётся. Жутким грубым смехом, который переходит в кашель, и в итоге она вынуждена снова сесть. Я так больше не могу. Я должна заглянуть в её разум. Мне нужно узнать то, ради чего я пришла.

Я закрываю глаза, опираюсь спиной на стену и позволяю своему сознанию изучить её. Вокруг леди стены. Она знает, какой у меня дар, она так долго им пользовалась. Но я чувствую, что все её мысли пронизаны мучительным ощущением потери: её дар на самом деле сгинул. Для неё это всё равно что для

обычного человека лишиться конечности. И она в бешенстве оттого, что слишком слаба и ничего не может с этим поделать.

Я открываю глаза и вижу, что леди смотрит на меня в упор со страшным выражением на лице:

«Себастьян не забирал твои воспоминания – это сделала я. Ты была первая, на ком я тренировалась применять его дар».

Я шарахаюсь от неё.

– Воспоминания о доме мешали тебе сдаться. Я убрала их. И тогда ты стала идеальной. Образцовой служанкой.

– Рабыней, хотите сказать, – шиплю я. Бедный Себастьян. Он винил себя за то, что я не помню своих родителей, а на самом деле это леди Эшлинг управляла им с помощью магии контролёра. Ну конечно, так и было. Возможно, именно поэтому я записала те имена на бумажках. Должно быть, я догадывалась, какие у неё намерения. – Где вы нашли меня? Что стало с моей семьёй?

Она пожимает плечами:

– Ты была моей первой служанкой. Это было очень давно, и с этим старым разумом я почти ничего не могу припомнить.

Быстро заглянув ей в голову, я убеждаюсь, что она говорит правду. Она так долго продлевала жизнь мне и другим своим слугам – и себе тоже – с помощью дара вестника жизни. А благодаря магии хранителя молодости наши тела и умы оставались молодыми и легко подчинялись чужой воле. Даже отнятые воспоминания пришлись кстати, потому что я не чувствую, что на самом деле прожила столько лет. Но есть ещё что-то, что мне никак не получается ухватить. Она что-то скрывает, даже от меня.

Возможно, мне хотя бы удастся выудить из неё что-нибудь о контролёре. Для начала будет достаточно имени или описания внешности.

– В вашем Саду был контролёр. Кто это был? Как его звали?

Леди Эшлинг улыбается, обнажив кривые зубы и яркие дёсны:

«Ты пожалеешь, если когда-нибудь узнаешь».

Глава четвёртая

Мысль леди Эшлинг бьёт меня со страшной силой, я словно получила пощёчину. Я бегу из камеры и выдыхаю, только когда за мной закрывается дверь.

– Симона! – Себастьян кладёт тёплую ладонь мне на плечо, чтобы поддержать. Слова леди всё ещё звенят у меня в ушах. «Ты пожалеешь...»

Пожалею о чём? И почему?

Я дрожу, кто-то накидывает мне на плечи плед. Недоуменное гудение других сознаний звенит у меня в ушах, и я крепко зажмуриваюсь. Я не так хорошо, как прежде, контролирую свой дар. Кто-то выводит меня из удушающей каменной тюрьмы – Себастьян, должно быть, – и, ощутив на лице тёплый ветерок, я открываю глаза и дышу глубоко.

Себастьян рядом переминается с ноги на ногу, Джемма стоит у него за спиной, положив тяжёлые руки ему на плечи.

– Что она сказала? – спросил он.

– Ничего хорошего. – Я сжимаю и разжимаю кулаки. – Она ничего не скажет ни про мою семью, ни про деревню, ни даже про контролёра – сказала только, что я пожалею, если когда-нибудь что-либо о них узнаю.

– Звучит как угроза, – сказала Джемма, встревоженно оглянувшись на тюрьму. – Нам пора уезжать отсюда. Недалеко есть гостиница и таверна, там мы сможем пообедать. Думаю, вам обоим нужно поесть. – Она заталкивает нас обратно в карету, с каждым шагом принимая всё более решительный вид. – Я тут подумала, Симона, – говорит она, – мы не можем допустить, чтобы леди Эшлинг одержала верх. Где-то же должны сохраниться упоминания о твоей деревне. –

Она останавливается перед каретой и смотрит на нас обоих. – Как насчёт того, чтобы самим поехать в Архивы Париллы? Я понимаю, вчерашние библиотекари не оправдали ожиданий, но если мы хорошо попросим главу Архивов разрешить нам провести собственное расследование, вряд ли у них будет возможность указать нам на дверь.

Крошечная искра надежды вспыхивает в моей груди, но мне страшно разжигать её сильнее.

– Вы на самом деле думаете, что они нас впустят?

– Симона, ты последняя из пленников леди Эшлинг. Все остальные нашли свой дом, а твоё прошлое до сих пор загадка. Минимум это должно их заинтересовать. А если рыться в документах мы будем сами, то всё, что им нужно сделать, – это предоставить нам доступ. Мы можем даже предложить помыть посуду или ещё как-то помочь им по хозяйству, чтобы отработать этот доступ, если потребуются.

У Себастьяна загораются глаза:

– Стоит попробовать.

Я киваю:

– Хорошо. Поехали в Архивы.

Мы садимся в карету, Джемма и Себастьян в восторге от нашего нового плана. Но я слишком напугана, чтобы позволить себе надеяться. Мы отъезжаем, а я снова оглядываюсь на тюрьму – и содрогаюсь. Леди Эшлинг что-то скрывает о моём прошлом. Что-то важное. И это не сулит ничего хорошего.

Когда мы приезжаем в гостиницу, Джемма сажает нас в таверне на краю длинного деревянного стола с дымящимися тарелками тушёной говядины.

– Я только поговорю с хозяином и проверю, как там лошадь. Вернусь через несколько минут. – И она быстро уходит.

Здесь столько любопытных умов. Мужчины и женщины из всех трёх провинций, все со своей историей. Раньше я бы впустила их всех к себе в голову – так было нужно леди, чтобы шпионить как можно тщательнее, – но сейчас я прилагаю все усилия, чтобы сдержать этот поток.

Я не так уж хорошо владею своей магией, нужно больше тренироваться. Но это так утомительно – быть одной намного проще. Сейчас я не могу позволить себе эту роскошь, и к тому времени, когда наши тарелки наполовину пустеют, от натуги я уже выжата как лимон.

Себастьян вытирает рот салфеткой и отодвигает тарелку.

– По крайней мере, леди на самом деле лишилась магии, – говорит он. – Это хорошая новость. – Он готов уцепиться за что угодно, лишь бы не впадать в панику из-за контролёра.

Я пытаюсь улыбнуться:

– Да. Но она говорила странные вещи. И всё это какая-то бессмыслица. Я не понимаю, почему она уверена, что я пожалею, если когда-нибудь узнаю, кто этот контролёр.

Себастьян невольно содрогается:

– Может, это значит, что для этого тебе придётся подобраться к нему слишком близко и ты не успеешь убежать.

У меня внутри поднимается неприятное чувство. Возможно, Себастьян недалёк от истины.

– А это значит, что он может использовать меня так же, как она.

– А об этом действительно придётся пожалеть.

Я гоняю по тарелке кусок картофелины. Есть ещё кое-что, о чём я должна сказать Себастьяну, но, надеюсь, для него это окажется хорошей новостью, не

тревожной.

– Пока я была там, леди рассказала кое-что о тебе.

Себастьян замирает, каждый его мускул напряжён. Я кладу ладонь ему на руку:

– Не волнуйся, в этом нет ничего плохого. Это она забрала мои воспоминания о прошлом, а не ты.

Он сдвигает брови:

– Ты о чём?

– Когда она тебя поймала, то использовала твою магию, чтобы стереть годы жизни из моей памяти. Она сказала, что из-за этих воспоминаний я ей не подчинялась. По своей воле ты забрал только те воспоминания, о которых я тебя просила, – плохие: о заданиях, на которые она меня отправляла. Ты не виноват, что я не могу вспомнить свою семью.

Лицо Себастьяна светлеет, его мысли успокаиваются. Я никогда и не подозревала, какое сильное чувство вины он испытывал до настоящего момента.

– Я всегда боялся, что всё испортил. Что случайно стёр слишком много, когда ты попросила помочь.

Я не могу не улыбнуться, глядя, как он счастлив:

– Нет, это всё она. – Я приканчиваю остатки своего обеда и отодвигаю тарелку. – Твоей сестре не пора уже вернуться? – Я хмурюсь, пытаюсь отыскать сознание Джеммы. Моё сердце пропускает удар, когда я не чувствую её мыслей поблизости.

– Может, хозяин гостиницы занят. Сегодня днём здесь много народу, – говорит Себастьян. Он смотрит мне в глаза – и бледнеет. – Симона, что случилось?

Я сжимаю руки, мои колени дрожат под столом:

– Наверное, ничего. Но я не слышу её мыслей.

Себастьян поднимается из-за стола:

– Что?

Некоторые странники отрываются от еды и пялятся на нас. Но мне всё равно, как и Себастьяну. Прежний беспощадный ужас бежит по нашим жилам. Я пытаюсь успокоить нас обоих:

– Наверное, она пошла на другую сторону улицы. Туда, где я её уже не слышу. Может, она в конюшне. Она говорила, что собирается проверить лошадь. – Слова выплёскиваются у меня изо рта, пока мы бежим в том направлении, куда ушла Джемма.

«Бедные детки».

«Пусть эти беспризорники держатся подальше от моей поклажи».

«Их никто не учил, что нельзя бегать в помещении?»

Я прилагаю все усилия, чтобы отгородиться от мыслей странников, пока мы не оказываемся на улице. День тёплый и светлый, но это нас не успокаивает. Мы идём по каменной дорожке мимо зарослей травы и высоких деревьев по направлению к конюшне. Какой-то человек направляется к гостинице, он едва замечает нас, проходя мимо. Но я заглядываю ему в голову, просто на всякий случай. Он думает только о том, как хочет есть, и ещё злится на свою лошадь. Я с облегчением выдыхаю.

Оказавшись вблизи конюшен, я запускаю свою магию внутрь, но чувствую только сознания животных, в том числе Красной: все сонные и довольные. Кроме одной, которая злится на своего хозяина не меньше него самого – за то, что ездит на ней кое-как. Конюх тоже спит где-то внутри.

Я хватаю Себастьяна за руку:

– Её там нет.

Глаза у него широко раскрытые и влажные.

- Симона, куда она могла уйти? Она бы не бросила нас, правда?

Я вспоминаю все разы, когда случайно проникала в мозг Джеммы. Несмотря на то что ответственность за двух детей свалилась на неё неожиданно - тем более что её брат более десяти лет числился пропавшим без вести, - она не попыталась уклониться от неё. Она любит Себастьяна и добра ко мне. Она бы не бросила нас.

- Нет, ни за что.

Нарастающая паника Себастьяна просачивается мне в голову. Она обвивается вокруг горла, грозя задушить.

- Идём. - Я тяну Себастьяна обратно в гостиницу, а оказавшись внутри, мы, вместо того чтобы пойти обратно в таверну, идём прямо к лестнице, которая ведёт к номерам. Это единственное место, где мы ещё не проверяли, хотя я не могу представить, что Джемме могло там понадобиться. Коридор здесь тёмный, повсюду лежат тени, но ни один разум не может от меня скрыться. Мы начинаем с прихожей, моя магия дотягивается до каждого угла, пока вдруг не наткнется на что-то знакомое, но оно ускользает прежде, чем я успеваю его ухватить.

- Сюда, - говорю я. Мы поворачиваем за угол, и Себастьян испускает радостный вскрик. В конце коридора стоит некто похожий на Джемму и пытается отпереть дверь комнаты. Я застываю на месте.

Что-то не так.

- Джемма! - кричит Себастьян, и некто резко вскидывает голову. - Где ты была?!

У меня дрожат руки. Я не чувствую мысль Джеммы, хотя её тело стоит перед нами, разинув рот от удивления. Теперь её контролирует другой разум. У меня перехватывает дыхание.

- У меня нет на это времени. - Она проходит мимо Себастьяна, словно не знает его, и толкнув при этом так, что он падает на пол.

Я прижимаюсь к стене и зажимаюсь, когда Джемма быстрым шагом проходит мимо меня. В этот момент у меня начинают трястись колени от тошнотворного ощущения сознания контролёра в теле нашей опекуны.

Все мысли захватнического сознания только об одном: «Нужно их найти. Нужно их найти». Но контролёр, похоже, сам плохо представляет, кто такие эти «они», у него есть только смутное понимание, что что-то пропало и это следует отыскать.

Я отлепляюсь от стены и кое-как помогаю Себастьяну подняться. «Это контролёр», – мысленно говорю я ему.

У Себастьяна дрожат губы:

– Мы должны что-то предпринять.

Он сбрасывает мою руку и бежит за своей сестрой и сознанием, которое её контролирует.

На мгновение ужас приковывает меня к месту. Меня начинает тошнить от одной мысли, что я окажусь рядом с контролёром. Но я не могу бросить Себастьяна. И не могу допустить, чтобы он выкинул какую-нибудь глупость.

Я нагоняю его, когда он выбегает на лестницу вслед за сестрой. Его отчаяние густое как плотный дым.

– Джемма, это я. Пожалуйста!

Я хватаю его за плечо и дёргаю назад. Сумка съезжает у него с плеча на руку.

– Себастьян, это уже не она. Это не она. Она не знает нас.

Джемма резко оборачивается с пронзительным блеском в глазах:

– Почему ты так решила, девочка?

– Нипочему. Я ничего не знаю! – Я дрожу и тащу Себастьяна вниз, но Джемма хватается его за руку:

– О, а мне кажется, знаешь. У тебя есть дар, не так ли? – Джемма улыбается такой не Джемминой улыбкой, что от этого мурашки бегут по коже.

Я как можно громче мысленно кричу Себастьяну в надежде, что он услышит меня за ревушим в его мозгу смятением: «Контролёр знает. Откуда-то он знает, что у нас есть дар!»

Это выводит Себастьяна из ступора, и он рвётся назад, налетев на меня, когда Джемма бросается на нас. Мы бежим по коридору прочь от неё, но не в ту сторону. Она почти настигает нас и перекрывает путь к лестнице:

– Ну, так и какие же у вас дары? Дайте-ка угадаю. Что-то связанное с мозгом? Что-то, что позволяет вам понять, что я не та женщина, за которую вы меня приняли?

Я осмеливаюсь оглянуться, но вижу только выражение безумного ликования на лице Джеммы. Меня трясёт от нарастающей паники, и мы оба ныряем в ближайший номер.

Себастьян в ужасе оборачивается: «Что нам делать? Куда теперь бежать?»

Я бросаюсь к окну, но мы слишком высоко, чтобы выпрыгнуть, ничего себе не повредив. Я с трудом сглатываю и выпрямляюсь.

Мы должны сразиться с ней. У нас нет выбора.

Дверь со скрипом открывается, и мы с Себастьяном крепко сжимаем руки и невольно пятимся, когда в дверях появляется Джемма с неестественной улыбкой на лице.

– Ну, может, вы не будете усложнять нам всем задачу и просто подойдёте ко мне? – Она протягивает к нам руки, будто на самом деле верит, что мы за них возьмёмся.

«Забери у неё воспоминания о встрече – и бежим. Только будь внимательнее: забери их у контролёра, а не у твоей сестры».

Себастьян застывает на месте. Шагнув вперёд, он хватается Джемму за руку. Она дёргает его к себе:

– Ну, что ты умеешь? Скажи мне... – Её глаза стекленеют, и какое-то время она только быстро моргает в замешательстве, а потом отпускает Себастьяна, глядя на него так, словно впервые видит.

Я знаю, что у меня есть всего несколько секунд, но я собираю в кулак всю свою концентрацию и вслушиваюсь изо всех сил, пока наконец не слышу слабый мысленный крик Джеммы: «Бегите! Симона, бери Себастьяна, и бегите! Я встречу вас в Архивах, обещаю!»

Удивление на лице Джеммы сменяется раздражением, совершенно не соответствующим отчаянию, которое я только что слышала.

«Бежим! – мысленно кричу я Себастьяну. – Джемма хочет, чтобы мы убежали!»

Мы сбегает вниз по лестнице и вылетаем из входной двери гостиницы, нам вслед несётся вопль хозяина гостиницы, которого мы по пути чуть не сбили с ног.

Слёзы струятся по щекам Себастьяна и по моим тоже. Мы прячемся за большой дуб во дворе, за которым нас не увидят из окон гостиницы, и переводим дыхание.

– Что теперь делать? – спрашивает Себастьян между всхлипываниями. «Моя сестра, моя родная сестра...» – это все его мысли.

– Нужно уйти от контролёра как можно дальше. – Когда смысл фразы полностью доходит до нас, у обоих на глаза снова наворачиваются слёзы. Это значит, что придётся бросить Джемму. Или подвергнуться риску снова стать жертвами. Снова оказаться в плену. Это самый страшный наш кошмар. – Так хочет Джемма, – говорю я. – Прямо перед тем как мы убежали, она сказала, чтобы мы шли в Архивы, она встретит нас там.

Себастьян соглашается, хотя для него бросить сестру – всё равно что отрезать себе руку или ногу. Он обхватывает себя руками, стараясь не потерять присутствия духа.

– Контролёр не будет держать её вечно. Когда-нибудь ему это надоест или, в крайнем случае, ему нужно будет поспать – тогда он её отпустит и Джемма будет свободна от его власти. Мы будем ждать её в Архивах, а если она не появится, нам, возможно, удастся связаться с кем-нибудь из Сети, с теми, кто освободил нас от леди Эшлинг, и попросить помощи, – подбадриваю я Себастьяна.

Зерно надежды поселяется у Себастьяна в мозгу, и его мысли становятся не такими мрачными.

– Парилльские библиотекари тоже, наверное, представляют, как помочь. Может быть, они знают средство, чтобы вытурить контролёра из тела, – продолжаю я, и пока я озвучиваю эту мысль, она мне нравится всё больше. – И к тому же мы в курсе, где находятся Архивы.

Я беру Себастьяна под руку, и, глядя перед собой широко раскрытыми глазами, мы вместе входим в лес. Себастьян идёт неуверенно, часто спотыкается. Хотя у меня у самой дрожат губы, я посылаю ему лучи поддержки. Я слышу мысли всех животных поблизости: любопытные, голодные, сонные – и ни в одной из них нет ничего угрожающего. Пока что мы в относительной безопасности.

Но никто не может поручиться, что и дальше будет так же.

Глава пятая

Мы быстро идём по лесу в надежде, что скоро наткнёмся на какую-нибудь тропинку или дорогу. Но день клонится к ночи, кажется, что мы прошли уже много миль, но перед нами по-прежнему сплошные деревья, кусты и холмы. Может, мы вообще ходим кругами. Мы оба выбились из сил, и я понимаю, что сейчас мне особенно трудно концентрироваться. Вокруг всё такое одинаковое.

Услышав нечто похожее на человеческий стон, мы оба резко останавливаемся.

«А вдруг это контролёр?» – думает Себастьян, у него трясутся руки.

Стон раздаётся снова. Я морщусь лоб: «Как бы он добрался сюда? И разве он стал бы стонать? Давай посмотрим. Может быть, кто-то потерялся, и ему нужна помощь».

Себастьян вздыхает: «А что, если контролёры издают такие звуки, когда применяют свою магию? Мы знаем, что им не обязательно находиться рядом с жертвой, чтобы управлять ею. Достаточно коснуться один раз – и всё».

«Тогда почему леди Эшлинг никогда не издавала таких звуков, когда управляла нами?»

Этот довод всё-таки успокаивает Себастьяна: «Это правда. Так она никогда себя не вела».

Мы на цыпочках идём на звук, как можно тише обходя кусты. По мере нашего приближения звуки становятся громче, и вскоре шорох и стоны раздаются прямо перед нами. У меня потеют руки; я пытаюсь ободряюще улыбнуться Себастьяну, но получается какая-то гримаса.

«Ещё несколько шагов», – мысленно говорю я ему. Я раздвигаю кусты – и у меня сердце уходит в пятки. На полянке впереди сидит человек, сжавшись в позе эмбриона и обхватив голову руками.

Я осторожно заглядываю ему в голову.

«Где я? Что произошло?»

У него в голове крутятся одни и те же мысли. Я на цыпочках отхожу к Себастьяну: «Это просто мужчина. Кажется, он потерялся. – Я пожимаю плечами. – Может, он упал с лошади?»

«И всё? – мысленно спрашивает Себастьян. – Он сильно ушибся?»

«Крови нет, и синяков я не разглядела. Судя по мыслям, ему не больно».

Обычно боль затмевает всё остальное. Стоит мне оказаться с кем-то, кому больно – мне сразу кажется, что они кричат мне в уши. В такие моменты я испытываю почти ту же боль, что и они.

Себастьян дрожит: «А может, на него кто-то напал? И вдруг они ещё где-то рядом?»

Я кладу руки ему на плечи и закрываю глаза, пытаюсь услышать какой-нибудь отзвук другого человеческого сознания поблизости: «Здесь больше никого нет. Если бы здесь кто-то был, я бы услышала их мысли».

Он вроде бы немножко успокаивается: «Всё равно лучше поскорее уходить отсюда. На случай, если они решат вернуться».

Я оглядываюсь на человека на полянке. Он кое-как поднялся на ноги и теперь, спотыкаясь, ходит туда-сюда. Я знаю, что Себастьян прав, но всё равно мне почему-то хочется помочь этому человеку. Мы его не знаем, и мы не можем исключить, что это ловушка, в которую нас пытаются заманить. Судя по его мыслям, он на самом деле в замешательстве, но есть в этом что-то такое, что мне никак не удаётся уловить.

Однако я чувствую, что просто уйти будет неправильно: «Я попробую с ним поговорить. Это займёт совсем немного времени».

«Симона, нет!»

Я снова поворачиваюсь к полянке и на этот раз выхожу из кустов. Мужчина пятится от меня.

– Кто... кто ты? – Его голос срывается. Он вытягивает перед собой руки и смотрит сначала на них, потом на меня. – Кто я?

Я слышу мысли Себастьяна, который прячется в кустах и не решается обнаружить себя.

– Я Симона. Но я не знаю, кто вы. Мы... Я услышала ваш голос, когда шла по тропинке. С вами всё в порядке?

– Где мы? – Он подходит ближе, хотя по-прежнему нетвёрдо стоит на ногах.

Я сдвигаю брови:

– Если честно, точно не знаю. Где-то в Парилле. Где-то недалеко тут есть гостиница и таверна... – я замолкаю, осознав, что от моих слов мало толку. Я не хочу запутать его ещё больше.

Я отваживаюсь оглянуться на Себастьяна, и тут вдруг мужчина бросается вперёд и хватает меня за плечи:

– Что произошло? Где я? Скажи мне! Пожалуйста, скажи мне!

Я пытаюсь отбиться, но руками он владеет намного лучше, чем ногами. Отчаяние загоразивает мысли этого человека – вопросы, на которые я не могу ответить.

– Отпусти её! – Себастьян вылетает из кустов, размахивая сумкой. Человек вздрагивает от неожиданности, его хватка ослабевает, и мне удаётся высвободиться. Себастьян хватает меня за руку, мы бросаемся обратно в кусты и бежим так, будто за нами гонится смерть.

«Я говорил тебе, что с ним опасно разговаривать!»

Я вся дрожу. Я не уверена, что этот человек сам по себе опасен, но с ним определённо приключилось что-то плохое. Я не хочу оставаться здесь слишком долго, чтобы и нас постигла та же участь.

Вместе мы бежим обратно к тропинке: безопаснее оставаться в лесу, где люди нас не найдут, пока не выйдем к какому-нибудь населённому пункту, например, к деревне, чтобы можно было укрыться, или даже лучше к нашему месту назначения – к Архивам Париллы.

Вдруг я обо что-то спотыкаюсь и лечу в папоротники. У меня из лёгких вышибает весь воздух. Какое-то время я просто сижу в траве, в такой же беспомощности,

как человек на полянке.

Себастьян помогает мне подняться, и я отряхиваю платье. Он пытается пошутить, но всё равно не может выдавить улыбку.

- Что я говорил тебе про твои грёзы наяву?

Мне удаётся рассмеяться, хотя у меня и болит бок.

- Не грезить, когда я гуляю. - Подол моего платья порван и испачкан травой и землёй. - По крайней мере, папоротники оказались мягкими.

Себастьян зевает:

- Думаешь, мы набредём на какой-нибудь городок до ночи?

Я качаю головой:

- Сомневаюсь. Сегодня нам, наверное, придётся спать в лесу.

Если бы мы были рядом с деревней, я бы уже это почувствовала.

У Себастьяна подавленный вид. Я успела забыть, что он терпеть не может спать на улице. Когда мы жили у леди и его отправляли в рейды, у него не было выбора. Возвращался он всегда измотанным, потому что едва мог спать из-за страха темноты и того, что может в ней таиться.

А я не боюсь. Как-то раз леди заставила меня успокаивать медведя, когда мы по её приказу были на вылазке. Я убедила его уйти из лагеря, подальше от наших припасов. Тогда это было жутко, но сейчас я знаю, что это выполнимо. И что смогу сделать это снова, если придётся. Ну, если только сначала успею немного вздремнуть.

- Давай пойдём дальше, посмотрим, что нам встретится.

Мы продолжаем идти, но наши ноги становятся всё более вялыми.

Темнота начинает опускаться на лес, и с ней приходят новые пейзажи и новые звуки. Между деревьев мелькают светлячки, точно звёздочки, слетевшие на землю. В густой траве шуршат и стрекочут сверчки, а от редких уханий сов Себастьян каждый раз вздрагивает. Несколько месяцев назад сова вспорола ему щеку, и остался шрам. Обидно, что леди не успела залечить его с помощью целительной магии – до того, как лишилась своих сил.

Мы идём вперёд, пока не находим новую поляну – на этот раз без странных потерянных мужчин. Дальше мы сегодня уже не уйдём. Мы достаём из сумок плащи, расстилаем их на траве и падаем на них – бок о бок, под ночным небом.

Себастьян ёрзает и ворочается до тех пор, пока я не направляю ему в голову мысли о тепле и безопасности в закрытом доме с ревущим очагом. Скоро его дыхание становится ровным и размеренным, и тогда я позволяю снам унести и меня тоже.

Глава шестая

Когда на следующее утро мы просыпаемся – с листьями в волосах и болью в шее, – всё вокруг выглядит как-то странно. Деревья всё те же, как и тихие беспокойные мысли маленьких животных, которые с утра идут по своим делам. Но тропы больше нет – нет проторённого пути дальше. Я даже не понимаю, с какой стороны мы пришли вчера вечером.

Мы заблудились.

Мой желудок громко урчит, и Себастьян поглядывает на меня. Я не ела с тех пор, как мы сбежали вчера днём из таверны.

«Я боюсь», – сообщает он.

Я тоже, но если скажу ему, лучше не будет. Меня так и подмывает просто броситься бежать очертя голову куда глаза глядят, но я подавляю это дикое желание и остаюсь на месте.

– Думаю, мы плохо сориентировались, – говорю я, стараясь сохранять непринуждённую интонацию. Но голос всё равно дрожит, и Себастьяна передёргивает.

Я пожимаю плечами:

– Я на это надеюсь. – Страх вгрызается мне в живот, заставляя как можно быстрее собрать наши скромные пожитки и отправиться дальше.

Пока мы идём, я вспоминаю времена, когда путешествовала вместе с людьми леди Эшлинг. Проходили ли они когда-нибудь по этим местам? Видела ли я когда-нибудь, чтобы они ели листья или ягоды? Я внимательно присматриваюсь к траве и кустарнику, отыскивая что-нибудь съедобное на вид, но вижу только сухие листья, папоротники и сломанные ветки. У леди была одна-единственная хорошая черта: она всегда сытно кормила своих слуг. Иначе мы были бы ей бесполезны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/konnolli_marsi-keyt/polye-kukly

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)